

лей. Потом стали стрелять и по нам. Я поднял руку, чтобы вытереть пот со лба, и почувствовал ожог. Получилось, что я отмахнулся от пули. В это время Дима Кормилин вскрикнул, взмахнул руками и упал назад. Валера со вздохом «Ох!» стал оседать на землю. Я находился между ними и тоже упал на землю лицом вниз. Ребята лежали около меня ближе, чем на вытянутую руку.

Перестрелка в школе по моим ощущениям длилась около часа. Потом стали кружить вертолеты, на которые отвлеклись боевики. Я стал медленно рассматривать Диму, лицо которого было залито кровью. По виду его глаз определил — он мертв. Замараев лежал лицом вниз, я его позвал, он не ответил. Тогда я протянул руку, раздвинул его веки, понял, что Валерка тоже погиб. Думал, что доктор лежит за нами, окликнул его, но никто не ответил. Такая тоска взяла за душу!

Когда стрельба стала стихать, услышал хруст под окнами школы. Это вдоль стены выдвигались офицеры группы «Альфа», за которыми с носилками шли наши спасатели. Подбежал к ним и окликнул, они на меня с изумлением посмотрели. Я им сказал: «Там лежат Валера и Дима». Доктор из ФСБ сказал: «Ты ранен!» и перевязал меня».

На следующий день Копейкин и Скоробулатов пришли к своим ребятам, которые разбирали завалы в спортзале и других местах, эвакуировали тела погибших. На просьбу вернуться в больницу они отвечали: «Ребята, мы посидим с вами — нам сейчас по-другому нельзя».

Когда в подмосковном городе Жуковском спасатели Центроспаса провожали в последний путь Валерия Замараева и Дмитрия Кормилина, министр МЧС Герой России Сергей Шойгу сказал: «Меня несколько раз спрашивали, почему пошли именно они, и я отвечал:

потому, что они лучшие. По традиции отряда на выполнение самых сложных и опасных задач всегда шли самые опытные. На этот раз ими оказались Валера и Дима. Они навечно останутся в нашей памяти и памяти тех, кого они спасли ценой собственной жизни».

ВОЛЯ, ВЫДЕРЖКА И РАНИМОЕ СЕРДЦЕ

Спасатели — люди с ранимым сердцем. Это утверждение покажется странным, ведь их профессиональная деятельность связана с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций, то есть бедой и горем. Здесь нужна «броня» души и нервов. Внешне так оно и есть. А внутренне...

Когда в 2000 году Валерий вернулся из Батуми, где потерпел катастрофу российский самолет Ил-18 с семьями российских пограничников на борту, он с душевной болью рассказывал сестре Татьяне: «На месте крушения самолета я находил детские ботиночки». Ил-18 упал в горах, и спасатели на руках спускали останки человеческих тел. Действиями группы Центроспаса руководил Валерий Замараев. На территории другого государства спасатели на себе поднимали оборудование в гору, где уклон составлял до 50 градусов, разбивали полевой лагерь. А рядом было то, что называется человеческой трагедией. Заместитель начальника поисково-спасательной службы Центроспаса В. Замараев умело организовал взаимодействие с аджарскими спасателями, четко ставил задачи подчиненным, был, как всегда, спокойным, собранным, волевым. А то, что творилось в его сердце, оставалось с ним. Только родному человеку он мог открыться, не скрывать своих чувств. Татьяна рассказала нам, что глубже